

АННА
КРАСИЛЬЩИК

ДАВАЙ
ПОЕДЕМ
В УНАЛАШКУ

С РИСУНКАМИ
КАСИ ДЕНИСЕВИЧ

Анна Красильщик
Давай поедem в Уналашку

«Белая ворона/Albus corvus»

2020

Красильщик А.

Давай поедem в Уналашку / А. Красильщик — «Белая ворона/
Albus corvus», 2020

ISBN 978-5-00114-260-7

У Марка есть мама, бабушка, кошка, папа и его девушка. А дедушки нет. Однажды, рассматривая в лупу фотографию бабушки в молодости, Марк замечает, что в зеркале отражается фотограф и объектив его фотоаппарата. А вдруг это и есть таинственный дедушка? Марк начинает расследование. «Наконец-то в России появилась первая современная детская книжка XXI века. Не сказка, не детектив, а прекрасная история сегодняшнего мальчика. Оторваться от нее невозможно! Читайте эту замечательную книжку “Давай поедem в Уналашку”! Я бы и сама туда поехала!» Людмила Улицкая

ISBN 978-5-00114-260-7

© Красильщик А., 2020

© Белая ворона/Albus corvus, 2020

Содержание

Глава 1, в которой я рассказываю про нас	7
Глава 2, в которой появляются бабушка и Уналашка	9
Глава 3. Самый плохой день в жизни	12
Глава 4. У меня есть папа	16
Глава 5, в которой я обнаруживаю кое-что неожиданное	19
Глава 6. Я болеваю, а мама и бабушка ссорятся	22
Глава 7, в которой мы с папой идем к врачу	25
Глава 8. Случайности не случайны, или Как я попадаю в одно очень важное место	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анна Красильщик Давай поедem в Уналашку

Рисунки Каси Денисевич

© Анна Красильщик, текст, 2020

© Кася Денисевич, иллюстрации, 2020

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2021

ПЕТЕ

Глава 1, в которой я рассказываю про нас

Это мы с мамой в лифте. Мы живем на тринадцатом этаже. Мама ненавидит наш дом: она говорит, у нее кружится голова, когда она смотрит вниз с балкона. А мне, наоборот, нравится. Однажды лифт сломался, и нам пришлось спускаться вниз по лестнице. До этого я никогда там не был. Оказалось, кто-то написал на ступенях признание в любви. Между нашим этажом и двенадцатым было написано «милая». Между двенадцатым и одиннадцатым – «прекрасная». Между одиннадцатым и десятым – «замечательная», между десятым и девятым – «любимая». Я забыл, что было между девятым и вторым, но в самом низу автор написал: «Ты самая». Мы с мамой так и не поняли, где начало, а где конец, хотя я думаю, что начало на первом.

Из наших окон видна вокзальная площадь. И не только видна, но и слышна. Особенно по вечерам – наверное, потому что все остальные звуки к этому времени засыпают. Когда вечером лежишь в постели, слышно, как тетка механическим голосом громко объявляет:

– Со второй платформы отправляется скорый поезд до станции Уналашка...

Ну то есть я чаще всего слышу что-то похожее на Уналашку. На самом деле она говорит какое-то другое слово, но различить его сложно. Перед сном я обычно представляю, как будто лежу в этом поезде на верхней полке и слышу, как стучат колеса. Тут я всегда засыпаю и не успеваю представить, как мы приезжаем в Уналашку.

Мы с мамой живем вдвоем. Еще у нас есть Кошка, но мама ее не считает за человека и не особо любит – потому что мама обычно уставшая, а Кошка почти всегда кричит. «И зачем только мы ее завели?» – иногда говорит мама, пожимая плечами. Вопрос не ко мне: если бы меня кто-то спросил, я бы завел кота. Тогда бы нас с котом было бы двое – ну и мама третья. А так я один, а их две. И они все время шипят друг на друга.

Раз уж я рассказал о Кошке, нужно рассказать и о Вильгельме. Это заяц, которого мне подарили в день, когда нас с мамой выписали из роддома. Сначала мы вместе лежали в кровати, а когда я научился ходить, то стал его повсюду таскать с собой. Я сам этого не помню, но так рассказывает мама. Действительно, на всех моих детских фотографиях мы вместе: даже если не видно всего Вильгельма, всегда можно разглядеть кусок лапы, ухо или кончик хвоста. Таких фотографий не меньше ста тысяч. А может, и больше. Мама очень любит фотографировать все на телефон и сразу же вешать в свой инстаграм или отправлять бабушке. Чаще всего на этих фотографиях я или мы с мамой вместе. На кухне за завтраком. В ванной, когда я чищу зубы. В лифте. В машине по дороге в школу. Около школы. В кафе. И так далее. Это просто невыносимо.

Глава 2, в которой появляются бабушка и Уналашка

ГЛАВА 2, В КОТОРОЙ ПОЯВЛЯЮТСЯ БАБУШКА И УНАЛАШКА

Бабушка живет неподалеку. И всех нас похоже зовут. Бабушка – Марта. Мама – Марика. А я – Марк. Как-то я спросил маму:

- А как бы ты меня назвала, если бы я родился девочкой?
- Я всегда знала, что ты мальчик.
- Ну а если бы ты ошиблась?
- Ну, если бы ошиблась, то, наверное, Мариэттой.

Хорошо, что она не ошиблась. Правда, моим настоящим именем меня называют редко – в основном когда я плохо себя веду. Дома я Морковкин: мама говорит, это имя прилипло ко мне еще в младенчестве – потому что к крошечному кульку совсем не клеилось солидное имя Марк.

Бабушка живет одна, а дедушки у меня нет. Однажды я спросил у мамы, куда подевался ее папа. Мама пожала плечами:

- Когда я была маленькая, я задавала бабушке этот вопрос миллион раз.
- И что она говорила?
- Что у меня нет папы и что так бывает. Действительно, у нас в классе было много детей, которых воспитывали мамы.
- И ты не пыталась его искать?
- Думаю, если бы он хотел, сам бы меня нашел.

– А может, он умер?

– Может, и так.

– А может, он знаменитый музыкант?

– Почему бы и нет?

– А вдруг это Фредди Меркьюри?!

– А может, Элтон Джон?! Морковкин, не говори ерунды. Это может быть кто угодно, но сейчас мне уже неинтересно об этом думать.

Я пожал плечами. Как это неинтересно? На всякий случай я решил порыться в старых фотографиях, но дедушка не оставил никаких следов – как будто его и правда не существовало. На всех снимках из маминого детства есть только маленькая мама, бабушка и родители бабушки. И еще огромный кудрявый эрдельтерьер.

Маме повезло, что бабушка живет рядом и не работает. Когда-то она была переводчиком, а потом учительницей английского. Мама часто, по ее собственному выражению, «сплавляет» меня к бабушке, чтобы, по ее собственному выражению, «выдохнуть». Я так и не понял, чем мешаю ей дышать, но факт остается фактом: как минимум раз в неделю я бываю у бабушки. И, честно скажу, это не самые веселые вечера: бабушка все время слушает радио или сидит в интернете и вздыхает. Однажды я не выдержал и спросил, все ли у нее в порядке.

– У меня за вас душа болит.

– Почему?

– Твоей матери не помешал бы муж. Тогда можно было бы и помереть спокойно.

– Ты что, умираешь?

– Нет, но когда-нибудь это произойдет, и мне было бы спокойнее, если бы рядом с мамой был кто-то надежный.

– Но у тебя ведь нет мужа?

Бабушка вздохнула и начала протирать стол, хотя он был суперчистый.

– Не у всех жизнь складывается так, как хотелось бы.

– Да, я бы, например, хотел бы жить в Уналашке, – согласился я.

– Не переживай, – бабушка бросила тряпку в раковину и села напротив меня. – У тебя все впереди. Сможешь жить, где захочешь, – слава богу, границы пока открыты.

Дома я сказал маме, что бабушка не против, если мы уедем в Уналашку, и можно начать придумывать путешествие. Мама рассеянно на меня посмотрела и погладила по голове:

– Конечно, Морковкин. Обязательно уедем.

Сто процентов, в этот момент она думала о чем-то другом и не слышала ни одного моего слова.

Уналашка – город на Аляске, который я случайно нашел на гугл-картах. Большинство уналашкцев живут на острове Амакнак. Он малюсенький, но и жителей так мало, что пока еще они там помещаются. Из города на остров можно добраться по мосту, который висит над Датч-Харбор. Я прочитал в «Википедии», что это название придумали русские матросы. Они думали, что до них тут уже побывали голландцы: в переводе с английского Датч-Харбор значит Голландская гавань. Но они ошиблись: на самом деле первым Уналашку открыл Беринг еще в 1741 году.

У бабушки я не люблю оставаться не только из-за радио и вздохов. Дело в том, что она заставляет меня есть гречневую кашу. Еще ладно была бы каша с солью или с молоком и сахаром, но бабушка готовит ее без всего.

– Можно мне соль?

– Соленое вредно.

– А сахар?

– Сахар – белая смерть.

И что на это ответить? После ужина бабушка вливает в меня стакан кефира, «чтобы кишечник работал», отправляет чистить зубы и гонит в постель на час раньше, чем обычно. А сама отправляется на диван, читает, вздыхает и выпивает рюмку рижского бальзама – черной жидкости с ужасным запахом. Как-то я лизнул каплю, и уж лучше бы я этого не делал.

Однажды в очередной раз, когда мама решила «выдохнуть», я устроил истерику и сказал, что никуда не поеду. Кошка прыгнула на стол и тоже начала орать – видимо, в знак поддержки. Мама скинула ее со стола и сказала:

– Бабушка так тебя любит. Она бы очень расстроилась, если бы узнала, что ты не хочешь к ней ехать.

Потом мама дала мне бумагу и ручку и попросила составить список вещей, которые мне нравятся у бабушки. Странно, но их оказалось не так мало.

- Постельное белье, которое хрустит и приятно пахнет.
- Чашки с блюдцами, на которых нарисованы оранжевые петухи.
- Старый ковер с непонятным узором, в котором можно разглядеть смешных монстриков.
- Яблочный компот, который бабушка еще летом залила в стеклянные банки.
- Огромная коробка со стеклянными бусинами, которые напоминают волшебные шары.
- Музыкальная шкатулка, которая играет музыку из подземного перехода.
- Толстые книги на английском, которые можно часами листать: они пахнут чем-то вкусным, и в одной из них есть карта Уналашки.
- Фотография, которая стоит у бабушки за стеклом книжной полки: там она, совсем молодая и очень красивая, сидит в кресле посреди комнаты.

Фотографии у бабушки не только за стеклом, но и вообще везде: на стенах, столе, комодe, холодильнике и в большом старом сером альбоме. Там есть совсем маленькая бабушка и совсем маленькая мама, бабушкины родители, их родители, дяди и тети, их дети и дети их детей. Если можно было бы собрать вместе всех этих людей, получилась бы огромная толпа – как на концерте Queen, который они играли, чтобы помочь африканским детям¹. И всех этих родственников бабушка помнит по именам.

---

¹ «Лайв Эйд» – международный благотворительный музыкальный фестиваль, состоявшийся 13 июля 1985 года и организованный британскими музыкантами для сбора средств пострадавшим от голода в Эфиопии. На стадионе «Уэмбли» в Лондоне собрались 82 000 человек, а на Стадионе имени Джона Фицджеральда Кеннеди в США – около 99 000 зрителей.

Глава 3. Самый плохой день в жизни

Недавно я первый раз пошел в школу. Но не в первый класс, как все дети, а сразу в третий. Когда мне исполнилось семь, мама решила, что я буду учиться дома, а в школу поступлю позже. Бабушка возмутилась:

– Чем он хуже других детей?

– Мама, он ничем не хуже. Просто он еще не созрел. Разве плохо, если он еще немного побудет свободным?

– И кто его всему научит?

– Читать и считать он уже умеет. А писать как-нибудь сами научим. Слава богу, мне не надо каждый день на работу ходить. И к тому же в первом классе ничего важного не происходит.

– Когда же, по-твоему, он созреет?

– Поживем – увидим.

Я представил себя в маске из инстаграма в виде яблока – горького, твердого и незрелого.

– Мама, а почему все созрели, а я нет?

– Суслик, все люди разные. Не переживай: я уверена, что мы все делаем правильно.

Мама – продюсер и очень гордится тем, что у нее творческая работа и она сама может решать, ходить ей туда или нет.

– А что делает продюсер?

– Практически все.

– То есть ты как Рой Томас Бейкер²?

– Не совсем. Я продюсирую не какую-то группу, а всякие мероприятия.

– Типа чего?

– Например, мне звонят и говорят: нужно срочно организовать съемку, в которой участвуют десять человек, три лисы и двадцать пять мышей. И все они должны надеть...

– Фиолетовые плащи?

– Например.

– Почему ты тогда не можешь выяснить, кто твой папа?

– Потому что у меня много других, более важных, дел.

В общем, весь первый класс я учился дома. Математикой и русским я занимался с мамой, а английским – с Джеком, настоящим американцем, которого посоветовала мамина знакомая. Бабушка сказала:

– Странно нанимать кого-то, когда его всему могла бы научить родная бабушка. Мы вот с тобой очень эффективно занимались, когда ты была маленькой.

– Ты просто ничего не помнишь. Эти занятия были сущим адом для нас обеих.

В итоге они поссорились и неделю не разговаривали.

Когда мне исполнилось восемь, бабушка спросила у мамы:

– Но теперь-то ты его отдашь в школу?

– Думаю, подождем еще годик.

– Марика, но ведь потом ему будет гораздо сложнее! – сказала бабушка и опрокинула рюмку бальзама.

– Мама, не волнуйся, все будет нормально.

Так что весь второй год я продолжал заниматься с мамой и Джеком. Я прочитал кучу книг на русском и научился читать, писать и даже говорить на английском. И когда мы наконец пришли в школу на тестирование, оказалось, что я не только ничего не пропустил, но знаю гораздо больше, чем большинство детей в моем возрасте.

– Поразительно. Марк знает гораздо больше, чем большинство детей в его возрасте, – похвалила маму учительница. – Отличный результат для домашнего обучения.

– Я тут ни при чем, – пожала плечами мама. – Просто ему все интересно.

Думаю, мама решила не отдавать меня в школу из-за детского сада. Я пошел туда, когда мне исполнилось четыре. Первые несколько дней все было неплохо, и мама мной страшно гордилась. Она говорила бабушке:

– Он все-таки очень социальный ребенок, ему нравится общаться с другими детьми, быть в центре внимания.

Но где-то через неделю мне надоело туда ходить. Мама рассказывает, что, когда она собралась уйти, я вцепился в ее ногу и начал орать как резаный. Мама нервничала и пыталась меня успокоить. Но чем больше она пыталась, тем сильнее я рыдал. Тогда мама стала ходить в детский сад вместе со мной. Несколько раз она пыталась улизнуть, но я внимательно следил за ней и ловил в дверях. Маму тоже хватило ненадолго, и через несколько дней она сказала бабушке:

---

² Рой Томас Бейкер (р. 1946) – британский музыкальный продюсер. Сотрудничал с The Who, The Rolling Stones, Дэвидом Боуи, Оззи Осборном, Дастин Спрингфилд и многими другими исполнителями и группами. Самой известной его работой стала «Богемская рапсодия» группы Queen.

– Он все-таки очень домашний ребенок – думаю, ему не нужна никакая социализация. Не стоит его лишний раз травмировать.

Не знаю, что ответила бабушка, но больше мы в детский сад не ходили – ни я, ни мама.

В общем, накануне моего первого третьего класса я никак не мог заснуть, представляя, как это будет. Утром я взял Вильгельма и залез к маме в постель.

– Который час? – промычала она из-под одеяла.

– Уже семь.

– У нас есть еще полчаса, давай просто тихо полежим.

Мысли вертелись в голове с такой скоростью, что просто тихо лежать было трудно. Я вспомнил удивительный факт, который нашел в одной старой энциклопедии у бабушки, и решил поделиться им с мамой:

– А знаешь, какой длины твой кишечник?

– Нет, и совершенно не хочу, – застонала она и повернулась ко мне спиной.

– Восемь метров. Представляешь?

Молчание.

– Его можно было бы протянуть из твоей комнаты через коридор и даже до середины моей комнаты.

Тут она все-таки проснулась и пошла на кухню варить кофе. Говорю же, удивительный факт.

За завтраком я сказал:

– Сегодня самый счастливый день в моей жизни.

– Надеюсь, что так, – ответила мама.

– Можно я возьму с собой Вильгельма?

– Я бы не стала. Вдруг он там потеряется?

– С чего бы ему теряться? Я могу везде ходить с ним за руку.

– Думаю, ты быстро с кем-нибудь подружишься и тебе будет с кем ходить за руку.

– Но ведь в детском саду я ни с кем не подружился.

– В школе все будет иначе.

За завтраком я все время подпрыгивал, вертелся и от волнения даже начал жевать новую белую футболку, и она стала вся мокрая. Мама велела мне переодеться, несколько раз сфотографировала меня, а потом сказала, что я просто красавчик. Кошка громко мяукнула: наверное, в знак согласия. Когда мы сели в лифт, оказалось, что там уже едет дядька с огромным животом, издающим смешные звуки. Живот как будто говорил со мной, и я захихикал, а мама сделала большие глаза и отвернулась. Кажется, ей тоже было смешно.

Я не помню, как представлял себе школу, но, когда мы приехали, оказалось, что во дворе собралась огромная куча людей – хоть и меньше, чем на концерте в помощь африканским детям. Из толпы торчали таблички с номерами и буквами классов. Мама крепко взяла меня за руку и начала пробираться вглубь. Чем дальше мы пробирались, тем меньше мне хотелось идти в школу. Назад пути нет – я прекрасно понимал это, но все-таки крикнул:

– Мам! Давай не пойдем?

– Я ничего не слышу!

– Я не хочу!

– Мы уже пришли!

Я так и не понял, действительно ли она не слышала, что я кричал, или просто испугалась, что получится как с детским садом и я до старости останусь дома. «Не волнуйся, все будет хорошо», – сказала она и чмокнула меня в макушку. А потом отпустила мою руку и исчезла в толпе других родителей, которые только и делали, что выкрикивали имена своих детей и фотографировали их на телефоны.

В тот день я так волновался, что не запомнил никого из своих одноклассников. Как будто все, что происходило, покрылось туманом. В какой-то момент включилась музыка и все пошли в школу. Внутри сильно пахло сырниками, кашей и еще чем-то непонятным. Потом нас посадили за парты и начался урок. Кажется, в этот момент я понял, что это не самый лучший день в моей жизни, а самый плохой. Потому что с этого момента все дни стали одинаковыми. Но кое-что хорошее все-таки было: после уроков меня забрал папа, и мы пошли в «Макдоналдс».

Глава 4. У меня есть папа

ГЛАВА 4 У МЕНЯ ЕСТЬ ПАПА

Вы, наверное, подумали, что у меня тоже нет папы. На самом деле есть – просто он живет не с нами, а со своей, как выражается мама, Девичей. На самом деле ее зовут Юля, и Девичей мы ее называем между собой. А папины родители живут в другом городе, и видимся мы не чаще чем раз в год.

Когда я был совсем маленький, мы жили вместе: мама, папа и я. Кстати, об этом можно узнать из маминого инстаграма – если долистать его до первого дня моей жизни и даже еще раньше, где я еще бултыхаюсь в мамином животе. Когда я родился, мама сразу же полезла за телефоном, чтобы меня сфотографировать. Она очень любит рассказывать эту историю, хотя я уже знаю ее наизусть:

– И вот тебя достают, такого маленького и страшенького. Когда я тебя увидела, я громко захохотала и попросила передать мне телефон. А акушерка говорит: «Женщина, вы в себе вообще? Какой телефон? Вон он у вас какой хилый, хнычет. Вы его лучше к себе прижмите и покушать дайте».

– А ты?

– Я ее послушалась, а ты набросился на грудь и начал громко чавкать, и хрюкать, и даже постанывать от наслаждения. И тогда я тебя сфоткала. Смотри, какой ты смешной.

В этот момент она всегда смеется своим настоящим смехом. Я говорил, что у мамы есть два вида смеха? Первый – настоящий: им она смеется, когда мы вдвоем, и звучит он так, как будто мама задыхается и хочет проглотить как можно больше воздуха:

АХ-АХ-АХ – АХ!

Второй вид смеха мама использует, когда рядом кто-то чужой, – она как будто выплевывает его сквозь зубы небольшими порциями:

ХМ-ХМ-ХМ – ХМ!

Маме кажется, что ее настоящий смех звучит по-дурацки, вот она и придумала этот второй. А по-моему, все совсем наоборот.

На самом деле ничего смешного в этой фотографии нет: младенец как младенец, только красный и сморщенный. В том старом инстаграме есть не только я, но и папа. Он гораздо моложе и держит меня на руках. А лицо у него такое, как будто он не совсем понял, что происходит. Еще на одной фотке мама стоит рядом с бабушкой, а у нее на руках малюсенький кулек. Это я, но моего лица не видно, а мамино, как и бабушкино, выглядит странно, потому что мама использовала какой-то фильтр. Сама она получилась нежно-сиреневая, а бабушка отливает красным. Еще к этим фотографиям дурацкие комментарии от маминых подруг:

Сладкие.

Какой прекрасный.

Одиннадцать сердечек.

Семнадцать восклицательных знаков.

Три ура.

И четыре *Счастья*.

Постепенно фотографий папы становится все меньше, пока он не пропадает из маминого инстаграма окончательно. Зато появляется очень много фотографий меня и самой мамы.

Папа классный. И Девушка тоже, хотя маме я об этом не говорю. Волосы у нее все время разных цветов, на лице пирсинг, а на руке несколько татуировок. Моя любимая – с крошечной свинкой Пеппой на запястье. Бабушка, когда об этом узнала, закатила глаза, а мама фыркнула. Думаю, на самом деле маме самой хотелось бы сделать такую же татуировку, просто она стесняется, а Девушка нет. Еще мне нравится, что Девушка называет меня Марчелло. Но маме я об этом не говорю.

Папа с Девушкой живут в квартире, в которую папа переехал, когда перестал жить с нами. Честно говоря, там было немного жутковато: огромные коричневые шкафы с фарфоровыми лебедями, ковер в цветах – судя по темному пятну с краю, до папиного переезда на нем кого-то убили – и постельное белье с тиграми (целых три комплекта, и все одинаковые). Неудивительно, что, когда я был маленький, я боялся там ночевать. Но когда появилась Девушка, в папиной квартире сразу стало уютно. Шкаф, лебеди, тигры и ковер куда-то уехали, а вместо всего этого приехали коробки из «Икеи» с новыми вещами. Даже жалко: к тиграм я уже привык.

В тот день после школы мы заказали в «Макдоналдсе» два двойных чизбургера, две большие картошки фри (я с сырным соусом, а папа с кетчупом), две большие колы и еще «чикен макнаггетс». Папа задал мне несколько вопросов про школу:

– Ну, как все прошло?

– Нормально, – я пожал плечами и втянул из трубочки ледяную колу.

– Учительница хорошая?

– Нормальная, – я сгрыз две картошки, обмакнув их в соус.

– Как ее зовут?

– Не знаю.

– С кем-нибудь подружился?

– Со всеми, – я допил колу и с хлюпом пошарил трубочкой по дну стакана.

На самом деле ни с кем я не подружился, но какой смысл это рассказывать? На этом папины вопросы, к счастью, закончились, и он уткнулся в телефон. Пока папа отвечал на сообщения, я доел картошку и чизбургер, съел почти все «чикен макнагетс» и начал таскать папину картошку.

– Пап?

– М?

– Что тебе рассказать?

– Расскажи еще про школу.

Сколько можно говорить про один дурацкий день! Чтобы отвлечь его от школы, я спросил, где они познакомились с Девницей. Папа сначала помычал.

– В киндере.

Я представил себе папу и Девницу в крохотной оранжевой коробочке внутри гигантского шоколадного яйца и выпучил глаза.

– Это такое взрослое приложение для знакомств, – объяснил папа. – Вот, смотри.

На экране телефона появилась какая-то тетка с огромными губами и в кофте с леопардовыми пятнами.

– Эта не стала бы выбрасывать тигров, – заметил я, а папа со мной согласился.

Если бы меня спросили, где я хочу жить, я бы сказал, что предпочел бы проводить у папы больше времени. Но мама меня об этом никогда не спрашивала – и неудивительно: она-то не знает, каково это, когда у тебя есть папа.

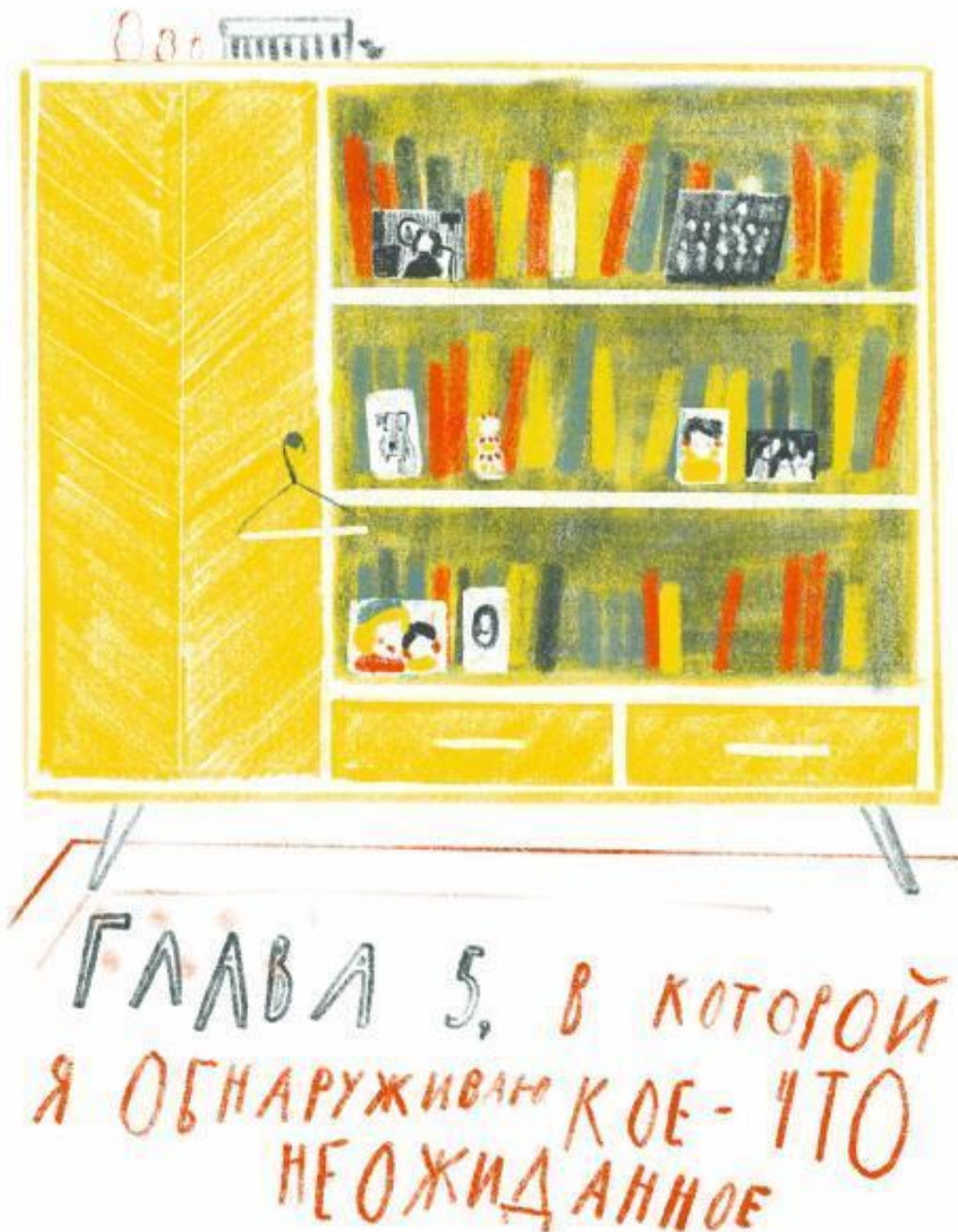
Мы всегда как-нибудь развлекаемся – и не только в «Макдаке». Еще мы ходим:

- в кино,
- на каток (если зима),
- в музей тела человека,
- в музей со скелетами динозавров,
- в музей старых игровых автоматов,
- в гости.

А однажды мы даже пошли в какой-то взрослый бар. Там было много веселых взрослых, а я сидел под столом и играл в «Майнкрафт» на папином телефоне. У папы можно лечь в любое время и вставать тоже. Так что из бара мы ушли, когда уже наступила ночь и я еле шевелил ногами. Маме мы об этом рассказывать не стали – а то на новом икеевском ковре в папиной квартире тоже появилось бы подозрительное пятно.

В тот первый школьный день мы погуляли, и папа отвел меня к бабушке. И, кстати, он ни разу меня не сфотографировал: в отличие от всех остальных, папа меня почти никогда не фотографирует, и у него даже нет инстаграма.

Глава 5, в которой я обнаруживаю кое-что неожиданное

На второй день школы все было почти так же, как и в первый. И на третий. И на четвертый. Вставать приходилось совсем рано, и к первому уроку я еще не успевал проснуться. Когда звонил звонок, учительница вела нас завтракать. Но вместо какао и булочки, о которых я мечтал, нам давали тарелки с дряблым серым желе, которое называлось омлетом. Или серую кашу с растопленным куском масла. Или гематоген. Из моих одноклассников это не смог есть никто, кроме девочки Маши, которую, наверное, дома морили голодом.

Однажды на русском учительница сказала:

- Сегодня мы будет говорить про предложения. Как вы думаете, чем они отличаются?
  - Длинной? – предположил Гриша со второй парты.
  - Не совсем. Предложения бывают повествовательные, вопросительные и побудительные. Учительница нарисовала на доске схему, объяснила, как устроены все виды предложений, а потом вызвала меня к доске.
  - Марк, напиши-ка нам пример повествовательного восклицательного предложения.
- Я взял маркер и написал:

Я хочу домой!

Все засмеялись, а учительница сказала:

– Очень хорошо. Марк все сделал правильно и получит пятерку. В качестве домашнего задания я прошу вас написать короткое сочинение, в котором будет по два предложения каждого типа. Урок закончен – и до завтра.

Тут зазвенел звонок, и все понеслись в раздевалку. Утром мы договорились, что из школы меня заберет бабушка. Я надеялся, что она будет ждать меня за калиткой, но она пробралась в школу. Бабушка стояла у турникетов на первом этаже и, как ястреб, высматривала меня в толпе других детей.

– Морковкин! Я здесь! – завопила она на всю школу, едва завидя меня.

Уверен: будь на ее месте дедушка, он ни за что бы так не сделал. Сделав вид, что это не моя, а какая-то странная чужая бабушка, я проследовал к выходу. Но бабушка заблокировала путь к свободе:

– Стой тут, я тебя сфотографирую, – она прищурилась и наставила на меня телефон.

– Выпрямись! Улыбнись! – целых два побудительных восклицательных выстрела. – Прекрасно, отправлю твоей матери.

Иногда я думаю, что, если бы бабушка не была бабушкой, она точно стала бы генералом. Дома, пока бабушка-генерал грела обед, я слонялся по комнате.

– А уроки тебе делать не надо? – крикнула бабушка из кухни.

Точно! Я хлопнул себя по лбу. Нам же задали сочинение. Я сел за стол и взял тетрадку. Мама потом сказала, что сочинение получилось на злобу дня. Я не понял, хорошо это или плохо, но мне самому оно понравилось.

Я пришел из школы. Бабушка греет обед!

Хочу ли я его съесть?

Но разрешат ли мне посолить котлету?!

Дай мне соль! Дай мне компот.

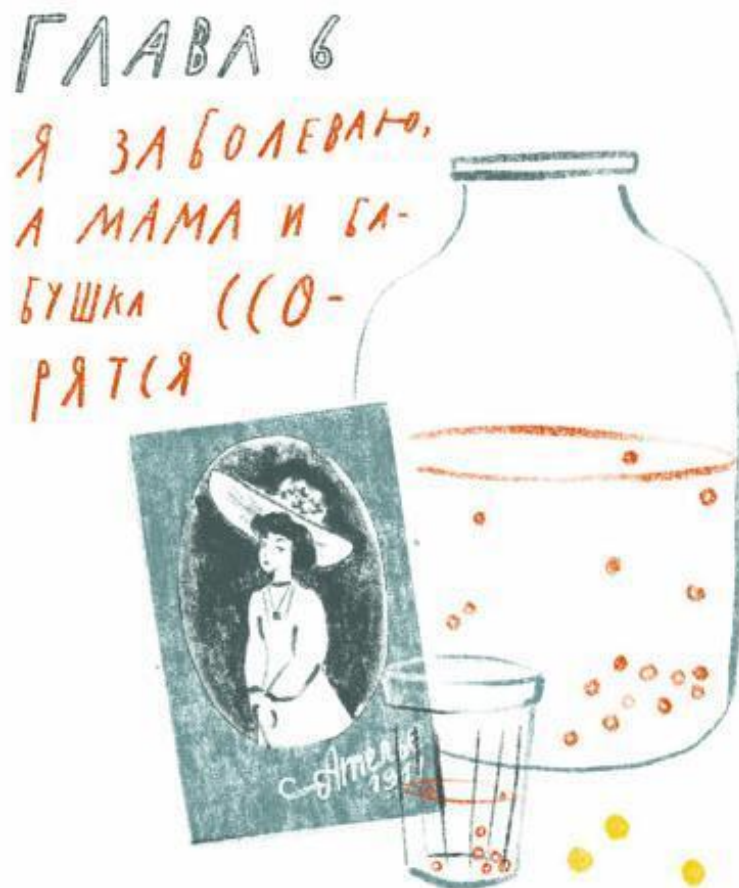
После обеда бабушка пошла вздремнуть, а я сел в крутящееся кресло и начал вертеться вокруг его оси. Сначала в одну сторону. Потом в другую. Перед глазами у меня все поплыло – я попробовал встать и свалился на пол. Когда мне стало чуть получше, я взял у бабушки на столе лупу и стал качаться на стуле, то приближая ее к глазам, то отдаляя. Все, что было в комнате, подъезжало и отъезжало с дикой скоростью. У меня снова начала кружиться голова, поэтому я встал и стал рассматривать разные вещи. Сначала я увидел, как в ковре на полу копошится крохотный коричневый жучок. Потом – маленькое пятнышко от фломастера, которым я изрисовал шкаф, когда был маленький. Затем я стал изучать корешки книг в шкафу и стоявшие за стеклом фотографии. На одной из них красивая и молодая бабушка сидит в кресле, закинув ногу на ногу. Я видел эту фотографию сто раз, но только сейчас посмотрел на нее через лупу. Я разглядел зеркало у бабушки за спиной, а в нем – объектив фотоаппарата. И вдруг я увидел человека, который держал этот фотоаппарат. Через лупу были видны уши, волосы и клетчатая

рубашка. Но больше я ничего разглядеть не успел, потому что бабушка позвала меня обедать, и, судя по всему, не в первый раз:

– Сколько раз надо звать? – скорбно сказала она, прижимая к груди половник.

Потом меня забрала мама. Дома мы с ней пили какао и, свернувшись под одеялом, смотрели «Гравити Фолз». Когда я ложился спать, из окна как обычно доносились звуки объявления о том, что со второй платформы отправляется поезд на станцию... А на какую – я не слышал, потому что заснул. И не успел подумать о человеке на фотографии.

Глава 6. Я заболеваю, а мама и бабушка ссорятся

В школе не происходило ничего интересного: я так и не понял, зачем нужно было меня туда отдавать. Каждый день после уроков мама спрашивала:

- Как дела?
- Нормально, – каждый раз отвечал я.
- Что ты делал?
- Ничего особенного.
- Ты с кем-нибудь подружился?
- Со всеми.
- Неужели ты не можешь мне что-нибудь рассказать?

На самом деле я ни с кем не подружился. На перемене все сидели и играли в телефоны. Все, кроме меня, потому что мне мама купила кнопочную «нокию».

- Но у всех в классе смартфоны! – попробовал поскандалить я.
- Не обязательно быть как все, – отрезала мама. – Зато ты книжки читаешь и знаешь, какой длины кишечник, а они – вряд ли.

И где тут логика? В общем, ходить в школу мне хотелось все меньше, поэтому каждое утро за завтраком я говорил, что плохо себя чувствую. Особенно в те дни, когда у нас была физкультура. Мама начинала волноваться. Она с тревогой смотрела на меня, щупала лоб и

светила в горло фонариком телефона. Два раза она оставила меня дома. Еще два раза я позвонил из школы во время уроков и прямо перед физрой меня забрала бабушка. Я был так рад, что забыл сделать вид, что мне плохо. Поэтому, когда я по-настоящему заболел, мне никто не поверил и пришлось торчать в школе до конца уроков с температурой.

Из школы меня забрала бабушка, потому что как раз в тот день мама была на работе. Бабушка отправила меня в постель и поставила у кровати огромную стеклянную банку с клюквенным морсом.

– Надо пить и писать, – безапелляционно заявила она.

– Но я не хочу пить.

– Никаких «не хочу».

Морс оказался очень кислым, поэтому, сделав глоток, я тут же выплюнул его обратно.

– Какая гадость.

– Так нельзя говорить про еду, – обиделась бабушка.

– Давай посмотрим старые фотографии? – предложил я.

– Прекрасная мысль, – обрадовалась бабушка. – Заодно померим температуру.

Она достала из картонного футляра старый градусник и начала трясти им с такой силой, как будто хотела, чтобы из него высыпались все цифры.

– Бабушка, но ведь есть цифровые термометры. Его нужно просто ко лбу поднести – он сразу запищит и покажет температуру.

– Не верю я этим новым приспособлениям, – бабушка сунула градусник мне под мышку. – Ну что, посмотрим альбом?

– Возьми заодно те, которые стоят за стеклом.

Бабушка достала толстый серый альбом и вытащила из-за стекла фотографии. Альбом начинался с настоящих древностей. На фотографиях застыли черно-белая дама в огромной шляпе, семья с десятью детьми, маленький мальчик на стуле.

– Они все умерли? – спросил я.

– Да, Морковкин, – вздохнула бабушка. – Это мой дедушка, – показала она на мальчика на стуле. – Петр Федорович, царствие ему небесное. Расстрелян в тридцать восьмом году.

– На войне?

– Нет, Морковкин. Война началась в сорок первом. А деда расстреляли как врага народа в тридцать восьмом. Потому что он был из дворянской семьи, а его брат воевал на стороне белых во время Гражданской войны.

– Я ничего не понял.

– Если коротко, то сначала в России правил царь. Потом случилась революция: царя заставили оставить трон. Началась война: красные были за революцию, а белые – за царя. Но красные выиграли, белые в основном бежали за границу. А еще через какое-то время советская власть стала преследовать всех, кто казался ей опасен. И не просто преследовать, а убивать. Вот и Петр Федорович... – бабушка тяжело вздохнула и вытерла глаза.

Я погладил ее по руке и вытащил из стопки бабушкину фотографию с зеркалом за спиной.

– Ты тут совсем молодая.

– Да, это восьмидесятый год. Во время Олимпиады.

– А кто тебя сфотографировал? – спросил я как ни в чем не бывало.

– Не помню уже. Давно это было, Морковкин.

– Можно я возьму себе эту фотографию?

Бабушка помолчала.

– Почему именно эту? Я могу тебе дать ту, где мама совсем маленькая. Смотри, какая она тут прелестная девчушка!

– Но ты тут такая красивая. Я повешу ее у себя над кроватью.

– Ну хорошо, возьми. Пусть побудет у тебя. Но только на время – я привыкла, что она всегда тут стоит...

К тому моменту как мама наконец пришла с работы, я успел выпить треть банки с морсом и пописать целых три раза. Мама потрогала мой лоб:

– Вроде не горячий.

– Тридцать семь и девять, – скорбно сказала бабушка.

– Ерунда.

– И ты потащишь ребенка с температурой на улицу?

– Нам идти всего-то ничего. Можно попить? – мама взяла мой стакан с морсом и сделала глоток.

– Господи, какая кислятина!

– Я же говорил.

– Может, сахару добавить? – предложила мама.

– Сахар – белая смерть, – бабушка вызывающе скрестила руки на груди.

– Мам, но он правда кислый.

– Он и должен быть кислым: иначе какой в нем толк?

– А какой в нем толк, если его никто не будет пить?

– Пока тебя не было, ребенок прекрасно все пил.

Так они препирались еще некоторое время. В результате мы с мамой ушли, а бабушка обиделась. Но все-таки, когда мы уже были в дверях, она сунула мне конверт:

– Пожалуйста, не потеряй ее. Она мне очень дорога...

– Что это, мам? – спросила мама.

– Спроси у Марка. В отличие от некоторых он любит меня и хочет видеть почаще, – сказала бабушка дрожащим голосом и захлопнула дверь. Мама вопросительно на меня посмотрела.

– Да просто я попросил у бабушки ее фотографию. Не переживай, вы скоро помиритесь.

Но мама все равно расстроилась. Чтобы ее утешить, я предложил ей полежать вместе в моей кровати и посмотреть «Гравити Фолз». Так мы лежали до тех пор, пока за окном не стемнело и какой-то очередной поезд не уехал в сторону Уналашки.

Глава 7, в которой мы с папой идем к врачу

Бабушкину фотографию я, как и обещал, повесил над кроватью. Дома у меня тоже была лупа, и я увидел, что на объективе фотоаппарата есть надпись. Но больше ничего видно не было. Если дедушка – человек из зеркала, получается, что все-таки кое-какой след он оставил, и я на него напал. Пускай бабушка делает вид, что его не было, а маме неинтересно знать, кем он был, уверен, будь в нашей семье еще один мужчина, все было бы гораздо лучше и мама наконец поняла бы, что значит проводить время со своим папой. Но как идти по следу дальше? Как говорит Джек, I have no idea³.

Когда я окончательно выздоровел, мы с мамой отправились к бабушке заключать перемирие. По дороге мы купили торт и букет тюльпанов. О том, что бабушка все еще обижается, можно было догадаться по тому, что она оставила дверь открытой, а сама ушла на кухню. Мама всучила мне букет:

– Иди вперед.

Когда мама и бабушка ссорятся, это похоже на настоящую войну с хитрыми маневрами и хорошо продуманной тактикой. Сейчас мама придумала пустить меня как пешку вперед и таким образом освободить дорогу ей, королеве.

И хотя мне было страшновато, я все-таки покорно пошел на кухню и вручил бабушке букет, а бабушка сразу растрогалась, попросила меня налить воду в старинную темно-синюю вазу с совсем голой женщиной и поставила чайник. А пока он вскипал, они с мамой успели окончательно помириться, обсудить скучные новости из жизни знакомых и налить чай в чашки с оранжевыми петухами. Чтобы бабушка не успела ничего сказать про белую смерть, я супер-быстро съел два куска торта и пошел в комнату рассматривать старую энциклопедию о доисторическом мире.

Мама с папой договорились, что в первый день после болезни в школу меня повезет он.

– Только соберись заранее, а то обязательно что-нибудь забудешь, – сказала мама.

Я сложил в рюкзак все учебники, пенал и Вильгельма и сел на кровать ждать, когда меня заберет папа. Со стены на меня смотрела бабушка. Что, если спросить у Девицы про надпись на фотоаппарате? Она вполне может знать, как ее увеличить, и уж точно не станет обсуждать это с мамой. Я снял фотографию со стены и положил в рюкзак.

³ Понятия не имею (англ.).

Чтобы меня пустили в школу после болезни, нужна была справка, и папа предложил сходить в новую клинику рядом с его домом. Мама не имела ничего против. Внутри все блестело и пахло духами, в коридоре приятно играла музыка, а все были такие вежливые, что почему-то хотелось громко пукнуть. Но вместо этого мы с папой тихо сидели в коридоре и ждали своей очереди. Наконец, нас позвали в кабинет. Доктор оказалась не старая, с красными губами и бровями, нарисованными прямо на лбу.

– Ну-ка, солнце, рубашечку подними, – сказала она так, как будто мне было три года.

– Молодец, мой хороший, – она воткнула в уши стетоскоп и положила мне на грудь холодную железку. – Дышим.

Пока я дышал, я увидел, что ее брови покрыты толстым слоем розовой пыли.

– У вас брови в пыли. – Я решил на всякий случай ее предупредить.

Доктор захихикала:

– Это не пыль, солнце, а пудра. У мамы наверняка такая тоже есть.

– У мамы нет.

Доктор нахмурилась и взмахнула гигантскими ресницами.

– Не разговариваем, солнце. Дышим. Не дышим. Дышим. Не дышим. Покажи язычок.

Замечательный у нас язычок, – доктор засмеялась, как будто ничего лучше моего языка в жизни не видела.

– Ну что, папа, пациент совершенно здоров. Сейчас я вам справочку напишу.

– Прекрасно, спасибо большое, – улыбнулся папа.

Доктор села писать справку.

– В каком мы классе?

– Но папа уже давно закончил школу, – не понял я.

Доктор снова захихикала и посмотрела на папу:

– Правда? Твой папа выглядит очень молодо. Но ты-то еще не закончил?

– Нет, к сожалению. Я только пошел в третий класс.

– Школу, значит, не любишь? Все ясно, психосоматика, – вздохнула доктор. – Ничего, все привыкают, и ты привыкнешь потихоньку. Держите справочку.

– Необязательно быть как все, – буркнул я. Но, прежде чем доктор успела ответить, папа поблагодарил ее и взял справку:

– Спасибо большое.

– Если что, звоните обязательно или пишите в «воцап», – снова засмеялась доктор и помахала нам рукой. – До свидания, солнце. Не болейте.

Когда мы вышли из кабинета, я сказал папе:

– Думаю, ей бы понравилось белье с тиграми.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся он, а потом мы пошли к нему домой.

Дома уже была Девица. В этот раз волосы у нее были темно-синие, а в носу, между ноздрями, появилась новая серьга.

– Привет, Марчелло. Видел мой септум?

– Чего-чего?

– Чего-чего, серьга в носу.

– Тебе идет. Хотя не знаю, что сказала бы бабушка, если бы увидела тебя.

– Пожалуй, мы можем ей об этом не докладывать. Ты в школу-то хочешь? Соскучился?

Я закатил глаза, почти как бабушка.

– Понимаю. Сочувствую, малыш. Школа – полное... – тут Девица сказала плохое слово и тут же прикрыла рот рукой. – Сорян. Я хотела сказать, что школа – это отстой, но когда-нибудь она закончится.

– Давайте закажем на ужин пиццу? – крикнул из комнаты папа.

– Да-а-а-а! – закричал я. Потому что, если съесть на ужин пиццу, даже мысль о школе становится чуть более сносной.

Перед сном мне позвонила мама:

– Как ты, мой суслик?

– Все классно, мы ели пиццу.

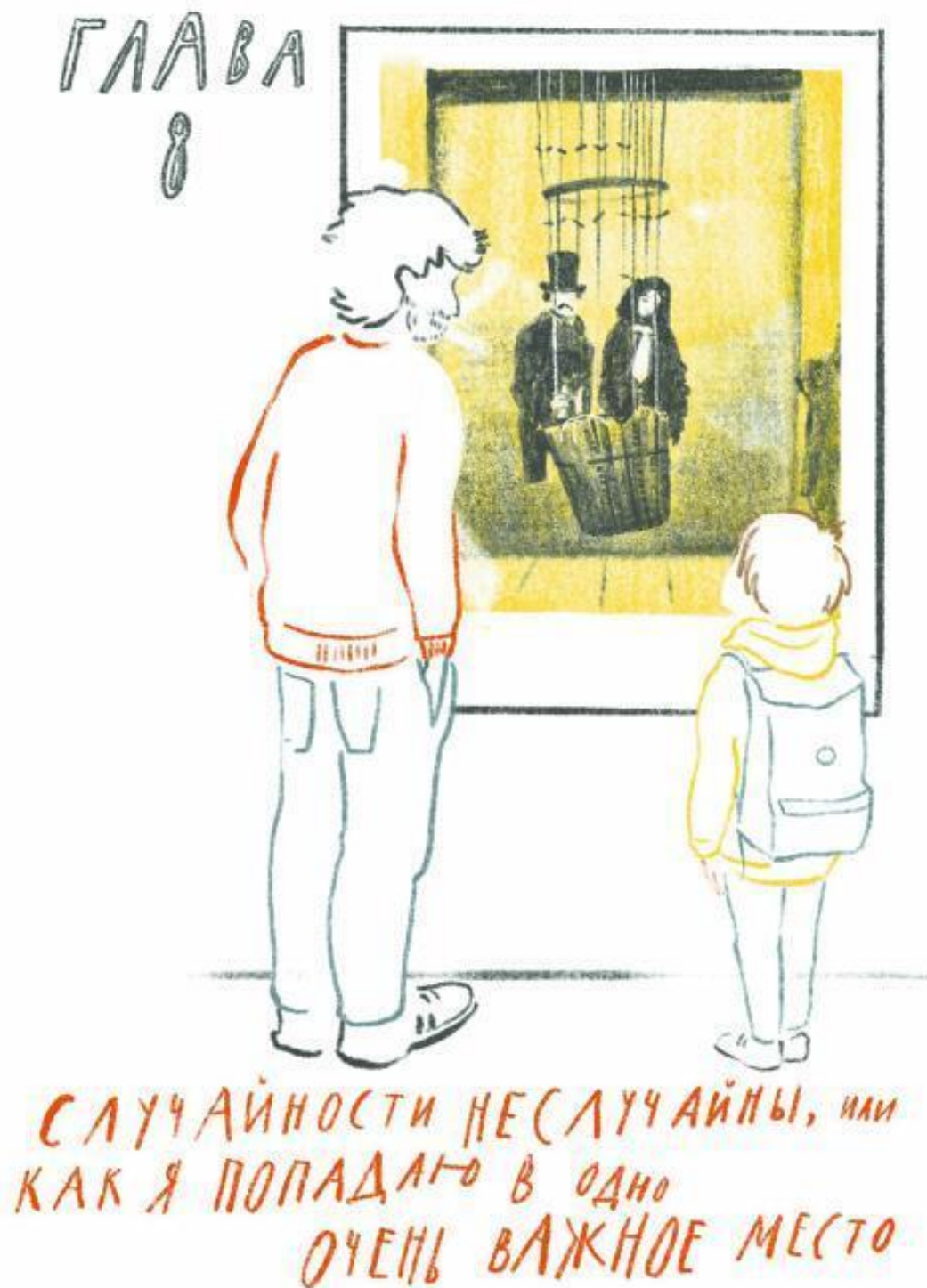
– Прекрасно.

– А сейчас мы с Вильгельмом смотрим мультфильм.

– Ложись уже, завтра рано вставать. Я заберу тебя после уроков.

О фотографии в рюкзаке я вспомнил, когда папа уже погасил свет. Ничего, спрошу завтра.

Глава 8. Случайности не случайны, или Как я попадаю в одно очень важное место

Но утром Девица спала, так что поговорить с ней я не успел. Погода испортилась, ночью прошел дождь, и папина чистенькая «тойота» тут же покрылась грязными разводами. Я смотрел в окно и думал о том, что бы я делал, если бы школы не было. Сидел бы целыми днями и

смотрел мультики. Или рассматривал бы старые энциклопедии. Или умолил бы маму купить хомяка и построил бы ему дом. Я уже придумал, что назову его Франц и что вокруг его дома будет закручиваться огромная труба, по которой он будет носиться как сумасшедший. Я уже собирался рассказать об этом папе, хотя по утрам с ним лучше не разговаривать, как вдруг...

– Вылезай, Морковкин, мы приехали.

Папа обернулся ко мне и улыбнулся, как будто это утро не было таким мерзким.

– Дай пять.

Я дал ему пять и поплелся в школу, к которой уже, как муравьи, сбегались другие дети.

На уроках я ничего не слышал, потому что думал о том, что можно сделать с бабушкиной фотографией. Может, приложить к ней лупу и сфотографировать на телефон? А может, отсканировать и увеличить на компьютере? Между русским и чтением я наконец придумал. В огромном доме рядом со школой, кажется, было все: ремонт обуви и часов, магазин сигарет, магазин зарядок для телефонов и всяких шнуров, магазин самих телефонов, магазин странных вещей, химчистка, что-то непонятное и фотоателье. Там наверняка можно увеличить и распечатать фотографию. И займет это вряд ли больше пятнадцати минут, на которые мама, как всегда, опоздает.

Когда уроки наконец закончились, я схватил рюкзак, скатился по лестнице, переобул кроссовки, накинул куртку и помчался к выходу.

– Мальчик, тебя кто забирает?

Чертики-бортики, как же я не подумал об охраннице. Эта милая тетя преградила мне дорогу, и довольно решительно.

– Э... мама.

– Позвони ей, пожалуйста, и попроси ее зайти в школу.

– Но мы договорились встретиться за калиткой.

– Прости, но по правилам я не имею права выпускать детей одних из школьного здания.

Тут как раз позвонила мама:

– Морковкин, прости, я опаздываю. Мне еще нужен где-то час. Сможешь меня подождать в школе?

Я снова надел сменку, снял куртку и поплелся обратно в наш класс. Но дверь уже была заперта, а мои одноклассники куда-то исчезли. От нечего делать я пошел дальше по коридору. В некоторых классах еще шли уроки, некоторые были заперты. Потом я поднялся на третий этаж, прошел мимо актового зала, заглянул в библиотеку и вдруг увидел дверь с табличкой, на которой был нарисован фотоаппарат и написано FLASH.

«Flash! Ah-ah. Saviour of the universe», – прокричал у меня в голове Фредди Меркьюри.

Я приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Вроде ничего особенного: обычный класс с партами и доской. Только на стенах висели не расписания и всякие занудные таблички, а плакаты и фотографии. На стене за задними партами – плакат с меня ростом: лысый старичок в очках одним глазом щурился в фотик, а другим внимательно разглядывал меня. Я сам не заметил, как вошел и оказался у одной из фотографий. Фотка была просто сумасшедшая: по комнате в потоке воды летали бешеные коты, с ними усатый дядька с выпученными глазами и стул. Рядом висела еще одна: высоко над городом, прямо посреди неба, на какой-то жердочке сидели люди в кепках. А вот совсем старинная фотография, как из бабушкиного альбома: дядька в цилиндре и грустная тетенька, замотанная в платок, висели в корзине воздушного шара.

– Это Надар, – вдруг сказал кто-то прямо у меня за спиной. От неожиданности я чуть не пукнул, а может, все-таки пукнул и подпрыгнул – совсем как коты на фотографии. Я даже не заметил, как в класс вошел какой-то учитель. Или не учитель? На учителя он не был похож. Может, это потому, что в нашей школе одни учительницы? Он был какой-то лохматый и с бородой-щетиной, и пахло от него сигаретами, как от папы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.